

КОНЦЕПТ «НАРОД» В МАНИФЕСТАХ А. С. ШИШКОВА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

А. Б. Панченко¹

¹ Сургутский государственный педагогический университет
628417, Россия, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2
Поступила в редакцию: 15.12.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-2

Отечественная война 1812 года часто называется в качестве события, повлиявшего на становление русского национального сознания. Однако реальная ситуация была гораздо сложнее, поскольку одновременно сосуществовали еще и имперская и сословная идентичность, часто соединявшиеся в рамках одного дискурса. В условиях фактического запрета на обсуждение идеи гражданской нации российские интеллектуалы сделали акцент на культурно-языковой составляющей национализма. Целью данного исследования стало выделение содержания концепта «народ» в манифестах, написанных А. С. Шишковым и выразивших официальную позицию верховной власти по вопросам национального единства. Для ее достижения был использован метод дискурс-анализа, позволивший поместить тексты А. С. Шишкова в более широкий исторический контекст, проследить их истоки в дискуссиях о языке начала XIX века и определить их влияние на последующий процесс нациестроительства. Будучи сторонником создания русского литературного языка на основе «народного» и «церковнославянского» компонентов, А. С. Шишков воплотил эти взгляды при создании текстов манифестов во время войны 1812 года. Несмотря на то что в них прослеживается определенное противоречие между идеями сословного общества и национального единства, используемые им стиль и образы сделали возможным восприятие текстов представителями всех сословий. В дальнейшем используемое Шишковым понятие народа уже как синонима нации стало общеупотребительным при формировании мифа о войне как общенациональном деле, что легло в основу формирования русского национального сознания.

Ключевые слова: А. С. Шишков, нациестроительство, Отечественная война 1812 года, русский литературный язык.

1. Дискуссии о языке и литературе начала XIX века и формирование взглядов А. С. Шишкова

Война за независимость США и Великая французская революция привели к появлению нового типа общностей — американской и французской гражданских наций. Это сделало необходимым и для других государств активизировать процессы нациестроительства, в основу которых легли поиски объединяющих идей. Однако в Российской империи этот процесс существенно тормозился, поскольку нация, которая раньше ассоциировалась с дворянским сословием, после революций стала соотноситься с идеей всеобщего гражданства и понятиями конституционных реформ (Миллер, 2012, с. 17), проведение которых считалось опасным для государства. Однако успехи национальных государств потребовали от элит Российской империи поиска альтернатив-

ных вариантов нациестроительства, не имеющих отношения к конституции и гражданскому обществу. Для этого было необходимо выдвинуть новые концепты, которые бы перевели дискуссию о нации в принципиально иную плоскость.

Одним из ключевых понятий, используемых вместо термина «нация», стал «народ», имевший к этому времени довольно продолжительную традицию употребления. Как считает Д. Б. Манискалько (2014), еще с XV века народ понимался как политический субъект, являвшийся фундаментом государственной власти. Правда он же указывает, что в качестве термина, обозначающего народ, в то время использовались понятия «люди» и «люди». Изначально этот концепт применялся только к населению столицы, которое могло участвовать в принятии важнейших политических решений (согласие на введение опричнины, избрание на царство Бориса Годунова и Василия Шуйского), но после Земского собора 1613 года, на котором решался вопрос о новой династии, он был распространен на все население России. Собственно понятие «народ», заменившее «людей», стало использоваться только с конца XVII века, причем из реального политического субъекта народ превратился в идеологический конструкт, именем которого происходила легитимация власти в эпоху дворцовых переворотов. Как указывает И. Н. Агейкина (2008), в XVIII веке концепт «народ» уже был хорошо известен читающей публике, что подтверждается анализом материалов Национального корпуса русского языка (Национальный корпус)². Чаще всего в то время он использовался в значении всего населения страны, тогда как слово «люди» стало обозначением низших сословий. В XIX веке сложилась традиция использовать понятие «народ» в трех основных значениях: для определения всего населения страны (в политическом и культурном смысле), как синоним слов «масса» или «толпа» и как обозначение низших сословий. Соответственно, стало возможным использовать именно понятие «народ» вместо «скомпрометированной» конституционным содержанием «нации».

На рубеже XVIII—XIX веков процессы нациестроительства в России проявились в форме дискуссий о русском (или российском — эти понятия часто использовались как синонимы, без сознательного разведения³) литературном языке, по аналогии с теми, которые шли в германских государствах и привели к зарождению романтизма. В это время в

² В целом на протяжении XVIII века слово «народ» в общем корпусе текстов использовалось достаточно часто — от 60 до 400 словоформ на миллион. Причем в поэтическом корпусе частота была еще выше — порядка 200–800 словоформ на миллион. Интересно отметить одно пересечение: 1740–1741 годы были временем наименьшего использования этого слова в общем корпусе (10), но одновременно и наибольшего использования в поэтическом (1300). Этот феномен требует дополнительного исследования.

³ Согласно материалам Национального корпуса русского языка (Национальный корпус, 2020), понятие «русский» чаще использовалось в XVIII веке (частота начинает снижаться с 1772 года, в 1803–1818 годах происходит небольшой подъем, а затем снова снижение), а «русский» — в XIX (подъем начался с 1802 года, правда в 1727–1737 годах был значительный всплеск, который затем также резко пошел на спад). Соответственно, в начале XIX века было практически одинаково распространено использование обоих концептов (в пределах 30–60 словоформ на миллион).

Европе начало формироваться представление о языке и литературе как отражении народного (национального) духа, выросшее на стыке гегелевской философии и идей литературного течения «Буря и натиск». В условиях отсутствия единого германского государства и, соответственно, неактуальности политико-правового аспекта национализма подобный шаг позволил осуществлять нациестроительство усилиями интеллектуалов, которые, таким образом, закладывали фундамент для будущего политического объединения.

В Российской империи проблемный аспект заключался в том, что литературный язык, начало созданию которого было положено в середине XVIII века, в условиях фактического двуязычия дворянства (зачастую владевшего французским лучше, чем русским) и малограмотности остального населения не мог выполнять свою консолидирующую функцию. В результате сформировались два направления литературно-национального дискурса, которые условно можно обозначить как «славянское» и «срединное». Первое было представлено известным поэтом Г. Р. Державиным, президентом Российской академии А. С. Шишковым, писателем-драматургом С. А. Ширинским-Шихматовым, переводчиком и поэтом Н. И. Гнедичем, писателем И. А. Крыловым и другими. Представителями второго направления были журналист и литератор Н. М. Карамзин, поэты В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, В. Л. Пушкин, дипломат С. С. Уваров и ряд других деятелей. Оба течения исходили из существования трех стилей русского (русского) языка, выделенных М. В. Ломоносовым: высокий (включающий слова из церковнославянского языка и редкоупотребимые, но понятные грамотным людям), посредственный (церковнославянский, соединенный с общеупотребимыми словами простонародного языка, которых нет в общеславянском словаре) и низкий (исключительно простонародные слова) (Ломоносов, 1803), но относились к их дальнейшей судьбе по-разному. Сходясь во мнении, что литература и язык суть проявления и средства формирования национального самосознания («Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел» (Шишков, 2011в, с. 44)), они спорили о том, что должно стать основой современного русского литературного языка.

Одним из главных действующих лиц в этот период стал Александр Семенович Шишков, личность которого, несмотря на множество специальных работ, по-прежнему считается весьма неоднозначной. В крупнейшем исследовании о нем (Альтшуллер, 2007) основное внимание уделено его роли в становлении русского литературного языка, но нашли отражение и другие аспекты биографии президента Российской академии. В последнее время А. С. Шишков начинает оцениваться как один из столпов российского консерватизма, его идеолог и практик (Минаков, 2009), борющийся с французским засильем в российской культуре. Тем не менее сохраняется стереотипное представление о Шишкове как «обскуранте» и «реакционере», чьи опыты в создании русского литературного языка могут считаться разве что курьезом⁴.

⁴ Во многом благодаря распространившейся пародийной фразе «Хорошилище грядет из ристалища на позорище по гульбищу в мокроступах и с растопыркой».

И прежде всего он нередко воспринимается как непримиримый оппонент Николая Михайловича Карамзина, которому он полностью проиграл борьбу на «лингвистическом фронте».

Начало дискуссии было положено литературными произведениями и публицистическими статьями Н. М. Карамзина, в которых он выражал сожаление по поводу неразвитости российской светской литературы и старался внести свой вклад, опираясь на принципы, заложенные в литературе французской: «...французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как в живописных картинах), а русский только отчасти; французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом» (Карамзин, 1964б, с. 185). Однако Н. М. Карамзин не призывал отказаться от русского языка в пользу французского, а лишь акцентировал внимание на том, что во Франции язык литературы и разговорный язык суть одно и то же, тогда как в России существующий литературный язык (основанный на церковнославянском) непонятен значительной части образованного общества. Более того, в одной из статей Н. М. Карамзин указывал, что время подражания и ученичества по зарубежным образцам для России уже должно было миновать: «Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне?» (Карамзин, 1964а, с. 287).

Другая проблема заключается в отсутствии образцов для подражания — «Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные, мысли» (Карамзин, 1964б, с. 185). А причина этого, по мнению Н. М. Карамзина, банальна — авторы просто не хотят прилагать усилия для сочинения того, что мало кто прочтет.

Соответственно, возникала необходимость в «усреднении» русского языка за счет отказа от церковнославянской составляющей. Вместо нее Н. М. Карамзин предложил выстраивать литературный язык на основе разговорного, включая в него заимствования из французского (поскольку он лучше понятен читающей публике, чем церковнославянский) или создавая их аналоги из лексических средств русского языка. По сути, речь шла о необходимости отказа от общеславянской цивилизационной идентичности, но вместо нее предлагалась не западноевропейская, скорее речь шла о создании принципиально новой. Свое отражение она должна была получить в литературе, основанной на синтезе западноевропейских тенденций и «посредственном» стиле русского языка. При этом не оговаривалось, коснется ли эта перемена только образованных сословий Российской империи или же всего населения, включая крепостных крестьян.

На выражение этой позиции последовала резкая реакция А. С. Шишкова, который выступил даже не столько против достаточно умеренного в своих взглядах Н. М. Карамзина, сколько против положения вещей в дворянской среде: использование французского языка в общении и литературе, увлечение французской же философией и пренебрежение русским языком. Причину этого он усматривал в существовавшей тогда системе воспитания:

...ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находят на руках у Французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно покупают весь образ мыслей их и понятия, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оно, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются? (Шишков, 1824, с. 5–7).

Именно поэтому, рассуждал А. С. Шишков, и отсутствует качественная русская литература — авторы просто не умеют мыслить по-русски, не знакомы с мудростью народа и обречены быть только подражателями.

Хотя свое организационное оформление в виде небольших кружков эти направления получили несколько позже (в 1811 году прошло первое заседание «Беседы любителей русского слова», а в 1815 году — «Арзамасского общества безвестных людей»), наличие двух принципиально разных позиций было обозначено уже в первые годы XIX века. Будучи внешне спором о литературном языке, фактически дискуссия шла о выборе цивилизационной идентичности — славянской или «срединной», — на основе которой должна была строиться идентичность национальная. Сложность поставленной обеими группами интеллигентно-литераторов задачи усугублялась наложением цивилизационного раскола на сословное деление, из-за чего дворянство, по сути, составляло отдельную нацию, гораздо более близкую к любой из европейских (в том числе и в вопросе усвоения политико-правовой составляющей национализма), чем к основной массе населения России.

О существовании этого раскола, проявившегося в литературе, свидетельствовали слова А. С. Шишкова при открытии «Беседы»:

Словесность нашу можно разделить на три рода. Одна из них давно процветает, и сколько древностью своею, столько же изяществом и высотой всякое новейших языков витийство превосходит. Но она посвящена была одним духовным умствованиям и размышлениям. Отсюда нынешнее наше наречие или слог получил и может еще более получить недостижимую другими языками высоту и крепость. Вторая словесность наша состоит в народном языке — не столь высоком, как священный язык, однако весьма приятном, и который часто в простоте своей сокрывает самое сладкое для сердца и чувств красноречие. <...> Возьмем сии две словесности, т.е. священные книги и народные стихотворения на других языках и сравним их с нашими. Мы увидим, как далеко они от нас отстают. Третья словесность наша, составляющая те роды сочинений, которых мы не имели, процветает не более одного века. Мы взяли ее от чужих народов, но, заимствуя от них хорошее, может быть, слишком рабственно им подражали, и, гоняясь за образом мыслей и свойствами языков их, много отклонили себя от собственных своих понятий (Шишков, 2011г, с. 378–379).

Таким образом, было сформулировано, что духовенство и «народ» (в первую очередь крестьяне) сохранили принадлежность к славянской

цивилизации, тогда как дворянство через использование французского языка переходило к западноевропейской. Причем, как считали А. С. Шишков и его сторонники, это приводило не только к смене идентичности, но и к падению уровня российской литературы. Свою задачу члены «Беседы» видели в том, чтобы восстановить языковое единство через обращение к славянским корням.

В то же время «шишковистов» и «карамзинистов» объединяло категорическое непринятие политических изменений, ведущих к созданию гражданской нации. Эти попытки начались с первых лет правления Александра I и традиционно связывались с именем М. М. Сперанского, который подготовил ряд проектов для кардинальных преобразований в империи. Хотя он не использовал само понятие *нация*, в его текстах отчетливо прослеживалось стремление поставить на первое место именно вопрос гражданских прав, а не культурного единства на основе общего языка и литературы.

Реакция со стороны Н. М. Карамзина последовала достаточно быстро. В 1811 году он представил императору Александру I написанную по просьбе сестры последнего «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в которой подверг резкой критике проекты либеральных реформ М. М. Сперанского и самого Александра. Выразив негативное отношение к собственно политическим преобразованиям (создание министерств вместо коллегий, снижение роли Сената и т. д.), Н. М. Карамзин указал, что они не достигают своих целей, в частности, в силу недостаточного народного просвещения, основанного на копировании европейского опыта без учета особенностей России. Весь критический пафос мыслителя можно выразить в одной фразе: «Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства» (Карамзин, 1991, с. 66). Соответственно, все преобразования должны осуществляться согласно народному духу, а не исключительно по воле государя, даже движимого благими намерениями.

Именно за это критике была подвергнута и деятельность Петра I (что ранее было просто немислимо): «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр» (Карамзин, 1991, с. 35). Указание на граждан мира в данном случае подразумевало принятие общеевропейской цивилизационной идентичности за счет утраты национальной. Между тем ранее А. С. Шишков писал прямо противоположное: «Петр Великий желал науки переселить в Россию, но не желал из Россиян сделать Голландцев, Немцев или Французов; не желал русских сделать не Русскими» (Шишков, 1824, с. 462). Интересно, что в данном высказывании одновременно использовались термины «русские» и «россияне», различие между которыми четко не артикулировалось (что было в целом распространено в это время). В дальнейшем, в частности в своих манифестах, А. С. Шишков сохранил эту двойственность.

К 1812 году взгляды А. С. Шихкова по вопросам развития русского языка как средства конструирования единого сообщества уже полностью сложились. С его точки зрения, новый язык должен быть сочета-

нием «народного» и «церковнославянского», одновременно понятным широким массам населения и имеющим средства для выражения сложных понятий. В том случае, если появляются новые термины, отсутствовавшие в словарном запасе, следует либо искать их аналоги, либо переводить (или даже скорее «переоткрывать заново») согласно нормам русского языка, а не просто калькировать (например, слово «баснословие» может служить заменой «мифологии», а «словесность» — «письменности») (Шишков, 2011б, с. 345). Однако, несмотря на активную позицию А. С. Шишкова, его влияние на государственную политику до 1812 года было минимальным, фактически он находился в опале, в отличие от Н. М. Карамзина, который с 1803 года носил звание историографа и даже после критической «Записки о древней и новой России» оставался авторитетным человеком при императорском дворе.

2. Деятельность А. С. Шишкова в ходе Отечественной войны 1812 года и по ее окончании

Приближающаяся война с Наполеоном уже весной 1812 года потребовала от Александра I принципиального изменения взглядов на основу национального единства. По всей видимости, именно тогда возникло понимание того, что использование французского языка дворянством будет негативно восприниматься остальным населением, разделенным на сословия с различными интересами. Встал вопрос о возможном формировании идеи национального единства, основанного на языковой общности (вопрос политического единства был полностью отвергнут, как показала отставка М. М. Сперанского с поста государственного секретаря). Наилучшим кандидатом на роль человека, обеспечивающего трансляцию этой идеи, стал не приближенный ко двору Н. М. Карамзин или кто-то из его соратников, а опальный А. С. Шишков, чье негативное отношение к французскому языку и заимствованиям из него оказалось определяющим аргументом. Помимо этого, за Александром Семеновичем слыла слава знатока как «народного», так и «церковнославянского» языка, что было необходимым условием для создания текстов, понятных для крестьян, мещан и духовенства.

Это было тем более актуально, что в то время, когда война началась, никаких предпосылок того, что она сама по себе приведет к формированию национальной идентичности, не наблюдалось. Среди сословий, составлявших население империи, не было единства в отношении того, стоит ли вообще сражаться за страну. По воспоминаниям современников,

Паника и беспорядок поддерживаются слухами о неимоверно громадных силах Наполеона, доходящих будто бы до миллиона, а равно и слухами о массе возмутителей, возбуждающих народ к бунту, к прекращению полевых работ и избиению помещиков. Слухи эти, по местам подтверждаемые и действительными фактами, проникают и в Москву. Иным уже мерещится пугачевщина <...> и мужики по вкорененным Пугачевым и другими молодыми головами желанию ожидают какой-то вольности (Отечественная война, 1912, т. 3, с. 172).

Во многом именно действия Наполеона, войска которого подавляли выступления против помещиков в Литве и Белоруссии, привели к тому, что крестьяне переменили свои настроения (Бойко, 2012, с. 31). Представители прочих сословий также далеко не всегда горели патриотизмом: дворяне и купцы нередко руководствовались стремлением нажиться на военных поставках (Бойко, 2012, с. 31–33). Сословное деление общества не способствовало формированию национальной идентичности из-за существования серьезных противоречий между различными слоями, а выделение в отдельное сословие представителей многих народов России (как инородцев) препятствовало сложению идентичности общеимперской.

«Пробой пера» для А. С. Шишкова стал манифест о рекрутском наборе, подписанный Александром I 23 марта (по юлианскому календарю) 1812 года. В нем говорилось о «сильном и храбром» народе российском, живущем в мире со всеми остальными народами, но готовом выступить на защиту России независимо от чинов и званий (Шишков, 2011а, с. 48). Из текста видно, что под народом в данном случае понималось все население страны, независимо от сословной принадлежности. Но при этом следует учитывать, что рекрутский набор затрагивал только податные сословия, соответственно именно они были адресатом идеи национального единства. Фактически в данном случае речь шла о необходимости нивелировки существующих культурных различий между дворянами и крестьянами, наиболее отчетливо проявлявшихся именно в использовании разных языков.

Однако из дальнейшего видно, что в манифестах А. С. Шишкова сохранялось различие сословной и национальной идентичностей. Так, в тексте, обращенном к жителям Москвы, только один раз говорилось о «российском воинстве», а собственно призыв защищать Россию был обращен именно к сословиям: «...да распространится в сердцах знаменитого Дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша Церковь» (Шишков, 2011а, с. 62). В другом манифесте, адресованном всему населению России, также один раз упоминался «народ Русский, храбрый потомок храбрых Славян», причем под народом в данном случае понимались исключительно «неблагородные сословия» (в контексте перечисления: дворяне, духовенство, народ). Сам же призыв гласил: «Да встретит он (неприятель. — А. П.) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина» (Шишков, 2011а, с. 63). Далее в тексте отмечалось, что для победы над врагом все они должны объединиться и действовать вместе (правда, исключительно под предводительством дворян), что можно расценивать как компромисс в условиях сохранения сословного деления.

Важно отметить, что эти манифесты не были обращены к русской или российской нации как единому целому. Понятие «народ» применялось, как правило, по отношению к крестьянскому сословию. Показательным исключением стал текст, написанный А. С. Шишковым после занятия Москвы Наполеоном. В нем ни разу не упоминались сословные различия, зато встречались такие обороты, как «великий народ

российский», «Сколь ни болезненно всякому Русскому слышать» и «Верный народ Твой (Бога. — А. П.)» (Шишков, 2011а, с. 68–70). Связано это было, скорее всего, с серьезностью самого события — впервые за последние двести лет древняя столица оказалась в руках неприятеля. Но уже после отступления французов из Москвы в тексты вновь возвращаются сословия: «Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил! Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны» (Шишков, 2011а, с. 78–79). И вновь понятие «русский народ» прилагалось исключительно к низшим сословиям. Таким образом, мы можем видеть, как в манифестах А. С. Шишкова отражалось двойственное отношение к проблеме нации и национального единства — сохранение сословности при создании единого языкового и символического пространства, основанного на языке, используемом крестьянством и духовенством, но не дворянством.

При этом манифесты были ориентированы в первую очередь на образованную публику, тогда как для большей части населения страны определяющую роль в формировании идеи национального единства играли совершенно иные источники. Е. А. Вишленкова точно подмечает, что в ориентированных на широкие массы визуальных текстах и проповедях параллельно сосуществовали несколько версий войны: как столкновение космогонических сил, как борьба за национальную независимость и как противостояние разбойничьему нападению (Вишленкова, 2011, с. 167). В карикатурах и лубочных картинах практически отсутствовало противопоставление русского и французского народов, скорее речь шла об извечной борьбе добра со злом. Хотя время от времени в визуальных текстах проскальзывали упоминания о «русском народе», но в большинстве случаев это понятие также относилось к крестьянам или мещанам и не использовалось для совокупного обозначения всех сословий.

О том, что война не изменила баланс между идеей сословности и национального единства, свидетельствуют слова последнего манифеста «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского», опубликованного после изгнания французов за пределы России: «Войско, Вельможи, Дворянство, Духовенство, купечество, народ, словом, все Государственные чины и состояния, не щадя имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, только же пылающую любовь к отечеству, только любовью к Богу» (Шишков, 2011а, с. 84). Сословная идентичность в это время продолжала быть определяющей, тогда как национальная практически отсутствовала, что коренным образом отличало Российскую империю начала XIX века от Франции, США или бывших испанских колоний в Латинской Америке, как раз в то время борющихся за национальную независимость.

Окончание войны принципиально не изменило отношения власти к населению страны — оно по-прежнему воспринималось как состоящее из различных сословий. Показателен в этом отношении манифест

«О учреждении крестов для Духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях» (от 30 августа 1814 года), само название которого воспроизводило существующее деление общества. В тексте последовательно перечислялись священство, воинство, дворянство («верная и крепкая ограда Престола, ум и душа народа»), купечество, мещанство и крестьяне («верный Наш народ») (Полное собрание, 1830а, с. 906—910). Понятие *народ*, как и прежде, применялось в тексте исключительно к крестьянству, но интересно, что дворяне названы «умом и душой народа». Здесь заметна первая попытка обозначить существование единства между хотя бы двумя основными сословиями.

Наконец, обратимся к еще одному тексту александровской эпохи — манифесту «О благополучном окончании войны с Французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу, за оказанные в продолжении войны подвиги» (от 1 января 1816 года), который можно считать первой попыткой общего осмысления итогов войны (Шишков, 2011а, с. 194—203). В этом сочинении (последнем, написанном А. С. Шишковым для Александра I) понятие народ в том или ином виде упоминалось 22 раза, по большей части по отношению к народам Европы, французскому народу (понимаемому и как простонародье, и как нация в целом). Применительно к России этот термин упоминался трижды, причем один раз в очень любопытном контексте — как «Российское Христолюбивое воинство и народ», один раз говорилось и «Россияне, любезные Наши верноподданные». По всей видимости, это была первая попытка в послевоенную эпоху подчеркнуть единство всех сословий России как россиян, которые в равной мере все являются верноподданными. Таким образом, понятие подданства должно было заменить идею гражданства, которая после победы над Наполеоном стала восприниматься как еще более маргинальная.

Нельзя обойти стороной еще один связанный с национализмом аспект, проявившийся в манифестах А. С. Шишкова: одновременное использование понятий «русский» и «российский». Хотя часто они применялись как синонимы, в ряде случаев между ними существовало определенное различие. Так, термин «российский» чаще употреблялся по отношению ко всему населению империи либо к армии. В то же время понятие «русский», как правило, добавлялось в том случае, если речь шла о крестьянстве и мещанстве. Здесь можно провести параллели с наметившейся практически то же время тенденцией в историописании — на смену «Российской истории» стала приходиться «Русская» или даже «История русского народа». Возможно, мы имеем дело с началом процесса разведения в российской традиции понятий «государство» и «народ» (понимаемый как нация в культурно-языковом смысле, основу которой составляет крестьянство и мещанство).

Как отмечает А. Е. Гребенщиков, «устремление Шишкова обеспечить национальное единство русского народа в условиях сословного неравенства было основанием его консервативных взглядов» (Гребенщиков, 2019, с. 89). Данное утверждение требует дополнительного комментария, поскольку концепт «русский народ» все-таки обозначал для

А. С. Шишкова в первую очередь крестьян и мещан (в которых он видел настоящих носителей живого русского языка в противовес франкоговорящему дворянству), а не все население России. При этом сословный характер шишковского дискурса не вызывает сомнений: даже говоря о необходимости сплочения, он продолжал использовать категории сословий.

Следует отметить, что одновременно с А. С. Шишковым тема «народа» поднималась на страницах журнала «Сын Отечества» (Агейкина, 2008, с. 230–231). В нем приоритет отдавался пониманию народа как «органического внесословного единства», что должно было сплотить все слои населения Российской империи в борьбе с Наполеоном, а сама война позиционировалась как народная. При этом важно подчеркнуть, что в обоих случаях понятие *народ* использовалось в мобилизационном контексте, что ограничивало его применение после окончания войны, когда потребность в единстве всех слоев населения исчезла.

3. «Воспоминания» о войне и идеи надсословного национализма после А. С. Шишкова

После окончания войны процесс конструирования национальной идентичности продолжился в литературно-языковом дискурсе. В 1815–1816 годах активно полемизировали «Беседа» и «Арзамас». Хотя они и критиковали друг друга, накал противостояния постепенно спадал и начали нащупываться точки соприкосновения. Наиболее показателен здесь пример А. С. Пушкина, который изначально был одним из самых едких критиков «Беседы»⁵, а в дальнейшем признал заслуги А. С. Шишкова в деле развития русского языка⁶. После 1818 года началось снижение частоты использования слова «народ» (с более чем 600 словоформ на миллион до 270 в 1825 году) (Национальный корпус, 2020), что стало следствием прекращения этой полемики. В дальнейшем частота употребления этого концепта в целом оставалась стабильной вплоть до революции 1917 года, заметно превосходя частоту использования концепта «народность» (максимум – 20 словоформ на миллион в 1859 году).

Дальнейший процесс нациестроительства в Российской империи шел достаточно медленно. Даже само понятие «Отечественная война» (в смысле общенародная, общенациональная), которое могло бы считаться «первой ласточкой» зарождения национальной идентичности, в первые послевоенные годы не использовалось. По мнению И. Горолевича, «само название “Отечественная война” появилось впервые в книге участника многих военных кампаний с Наполеоном (с 1805 по 1813 год)

⁵ Эпиграмма (1815): «Угрюмых тройка есть певцов – / Шихматов, Шаховской, Шишков. / Уму есть тройка супостатов – / Шишков наш, Шаховской, Шихматов. / Но кто глупей из тройки злой? / Шишков, Шихматов, Шаховской».

⁶ «Второе послание цензору» (1824): «Министра честного наш добрый царь избрал, / Шишков наук уже правленью восприял. / Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, / Он славен славою двенадцатого года; / Один в толпе вельмож он русских муз любил, / Их, незамеченных, созвал, соединил; / Осиротелого венца Екатерины / От хлада наших дней укрыл он лавр единый».

Ф. Н. Глинки «Письма русского офицера...», изданной в Москве в 1815–1816 годах и ставшей в то время одной из самых читаемых в России» (Горолевич, 2011). Правда, стоит отметить, что словосочетание «отечественная война» (именно так, со строчной буквы) в этом сочинении присутствует лишь однажды — в предисловии, написанном братом Федора Николаевича Сергеем (Глинка, 1821, с. 35) (в самом тексте один раз упоминалась «народная война», переведенная на французский как *guerre nationale* — национальная война (Глинка, 1821, с. 70–71)). Очевидно, что это понятие изначально использовалось для того, чтобы отделить военные действия, шедшие на территории России, от «Заграничного похода» 1813 года. Это коренным образом отличает Отечественную войну 1812 года от Великой Отечественной войны (которая, как известно, продолжалась не до момента изгнания неприятеля за пределы СССР, а до окончательной капитуляции Германии).

В дальнейшем понятие «отечественная война» еще несколько раз упоминалось в отдельных указах, изданных в правление Николая I, например «О зачете в действительную службу времени бытности в ополчении нижним чином, ныне в войсках находящихся» (от 14 апреля 1829 года), где говорилось о продолжавших службу в ополчении после окончания отечественной войны 1812 года (Полное собрание, 1830б, с. 257) или «О назначении двух инвалидов для надзора за порядком и чистотою при Бородинском памятнике» (от 23 марта 1839 года), где назывались памятники сражений отечественной войны (Полное собрание, 1840, с. 278–279). При Александре I в законодательных актах об отечественной войне ничего не говорилось.

Более серьезные попытки найти значимые символы, вокруг которых может быть построена национальная идентичность, оказались связаны с четвертьвековым юбилеем победы над Наполеоном. В результате по высочайшему повелению Николая I был подготовлен первый обобщающий труд «Описание Отечественной войны в 1812 году» (опубликован в 1839 году), автором которого стал генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский. В этом сочинении впервые использовалось написание словосочетания «Отечественная война» с прописной буквы, а понимание этого термина вместо территориального стало национальным. Собственно, с «Описания» и начинает создаваться миф об общенациональном характере войны. Уже в предисловии автор писал: «Отечественная война была борьбою, где участвовала вся Россия. Когда 300 000 наших воинов бились с толпами Запада, пятьдесят миллионов Русских не были праздными зрителями, сложа руки, в ожидании, чем решится роковой спор: “кому быть, кому не быть?”» (Михайловский-Данилевский, 1839, с. XII). «Русские» и «Русский народ» встречались в этом тексте повсеместно, тогда как о существовавших сословных различиях речи практически не было.

Однако формирование надсословного русского (или российского) национализма было невозможным без ликвидации сословных различий, чего за годы правления Николая I так и не произошло. Из-за этого влияние «Описания» было относительно небольшим. Ситуация могла измениться с началом Великих реформ, направленных, помимо проче-

го, и на строительство внесословного общества. Однако пятидесятилетний юбилей Отечественной войны не вызвал сколько-нибудь серьезного ажиотажа, совпав с празднованием тысячелетия России.

Гораздо более значительный эффект был связан со столетним юбилеем. Если в предшествующие годы Отечественной войне были посвящены только отдельные статьи в специальных исторических журналах, рассчитанных на узкий круг специалистов, то около 1912 года начали массово выходить как монументальные исследования, так и популярные издания, литературные произведения и издания воспоминаний и дневников участников тех событий, предназначенные для широких слоев общества.

Общей чертой большинства подобных сочинений было понимание Отечественной войны 1812 года как дела общенационального. Позицию этих авторов можно свести к такой цитате: «Отечественная война была войной народной, захватившей все слои тогдашнего населения, от Царя до старостихи Василисы» (Муратов, 1912, с. 4). Страницы этих изданий пестрят словосочетаниями «русский народ», «русские люди», «русское общество». У авторов не вызывало сомнений, что та война была войной народной, в которой принимали участия не сословия, но народ как целое. Даже редакторы фундаментального издания «Отечественная война и русское общество: 1812—1912», отмечая, что над этой темой работают многие и «в числе этих работ будут такие, которые постараются разбудить в читателе низменные шовинистические чувства. Мы не встанем на этот путь... Мы будем удовлетворены, если русское общество признает, что книга добросовестно старалась нарисовать верную картину Отечественной войны, поставленной в правильные исторические рамки» (Отечественная война, 1912, т. 1, с. V), оперировали понятием «русское общество», что являлось явной модернизацией. Это позволяет трактовать историческую память об Отечественной войне как один из механизмов конструирования национальной идентичности — создания русской нации.

Война 1812 года, безусловно, была одним из важнейших событий истории России. Однако она не стала тем катализатором, который запустил процесс формирования национальной идентичности, подобно многим другим войнам рубежа XVIII—XIX веков. Сословные различия существовали и во время этого конфликта, и долгие годы после его окончания. Но в дальнейшем вокруг этой войны начал конструироваться большой исторический миф, в котором она стала примером национального единения. И именно «воспоминания о войне» сыграли существенную роль в конструировании русской нации к 1912 году. Несмотря на то что в дальнейшем фигура А. С. Шишкова практически не упоминается, его вклад в начало процесса нациестроительства в Российской империи нельзя недооценивать. Хотя его манифестам была присуща определенная непоследовательность при попытке соединить сохранение сословных различий и формирование общенационального единства, в данном случае важны не только содержание, но и используемые средства. Именно А. С. Шишков пытался создать язык описания, понятный всем сословиям империи и при этом опирающийся на суще-

ствующую традицию, при сведении иноязычных заимствований к минимуму. Его манифесты заложили основу дальнейшего восприятия войны 1812 года как народной, в ходе которой произошло объединение всех сословий и началось формирование русской / российской нации.

Список литературы

Агейкина И. Н. Идеологемы «Народ» и «Народность» в русской публицистике XIX в. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2008. №11. С. 228–237.

Альшиллер М. Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд. М., 2007.

Бойко П. Сословия Российской империи в Отечественной войне 1812 г. // Русин. 2012. №4. С. 29–38.

Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русское дано не каждому». М., 2011.

Глинка Ф. Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года. М., 1821.

Горелевич И. Война 1812 года: политический анализ // Красная звезда. 2011. 20 апр. URL: http://old.redstar.ru/2011/04/20_04/20_04/5_03.html (дата обращения: 29.11.2019).

Гребенников А. Е. Взгляды адмирала А. С. Шишкова на сословный вопрос в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2016. №1. С. 85–89.

Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости // Избр. соч. : в 2 т. М., 1964а. Т. 2. С. 280–287.

Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Избр. соч. : в 2 т. М., 1964б. Т. 2. С. 183–187.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. СПб., 1803. Т. 1. С. 3–10.

Манискалько Д. Б. Роль понятия «народ» в российской истории: от «Повести о Царьграде» до начала правления Романовых // Российская история. 2014. №4. С. 154–159.

Миллер А. И. История понятия *нация* в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2. С. 7–49.

Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2009. №7 (62). С. 143–150.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1.

Муратов Н. П. Исторический обзор Отечественной войны и ее причин. Тамбов, 1912.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/old/search-main.html> (дата обращения: 20.03.2020).

Отечественная война и русское общество: 1812–1912 : в 7 т. / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М., 1912.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание I, т. 32. СПб., 1830а.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание II, т. 4. СПб., 1830б.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание II, т. 14. СПб., 1840.

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена. СПб., 1824. Т. 2. С. 1–352.

Шишков А. С. Краткие записки, веденные в бышую с французами в 1812 и последующих годах войну // Огонь любви к Отечеству / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011а. С. 47–205.

Шишков А. С. Разговор между двумя приятелями о переводе слов с одного языка на другой // Огонь любви к Отечеству / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011б. С. 345–357.

Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в беседе любителей русского слова // Огонь любви к Отечеству / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011в. С. 23–46.

Шишков А. С. Речь при открытии беседы любителей русского слова // Огонь любви к Отечеству / сост., коммент., послесл. В. В. Семенцова, предисл. А. Ю. Минакова; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011г. С. 358–381.

Об авторе

Алексей Борисович Панченко, кандидат исторических наук, доцент, Сургутский государственный педагогический университет, Россия.

E-mail: alexeypank@rambler.ru

Для цитирования:

Панченко А. Б. Концепт «народ» в манифестах А. С. Шишкова в контексте дискурса об Отечественной войне 1812 года // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №3. С. 25–41. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-2.

THE CONCEPT “PEOPLE” IN A. S. SHISHKOV’S MANIFESTOES IN THE DISCOURSE OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812

A. B. Panchenko¹

¹Surgut State Pedagogical University
10/2 Pyatdesyat Let VLKSM St., Surgut, 628417, Russia
Submitted on December 15, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-2

The Patriotic War of 1812 is an event that influenced the formation of the Russian national consciousness. At that time, imperial and class identities coexisted. With the de facto ban on discussing the idea of a civil nation, Russian intellectuals focused on the cultural and linguistic components of nationalism. The aim of this study was to identify the content of the concept of ‘people’ in the manifestoes by Shishkov. These texts expressed the official position of the supreme authority on national unity. The method of discourse analysis employed by the author, made it possible to place Shishkov’s texts in a broader historical context, tracing their origins in the discussions on the language of the beginning of the 19th century and determining their impact on the subsequent process of nation-building. Being a supporter of the creation of the Russian literary language on the basis of the folk and Church-Slavonic Russian, Shishkov embodied these views in the texts of manifestoes during the War of 1812.

Although there is a certain contradiction between the ideas of class society and national unity, the style and images used made it possible for representatives of all classes to perceive the texts. Later on, "people" as a synonym of "nation" was widely used in the formation of the myth of war as a national affair, forming the foundation for the formation of the Russian national consciousness.

Keywords: A. S. Shishkov, nation-building, Patriotic War of 1812, Russian literary language.

References

Ageykina, I. N., 2008. Ideologemes "People" and "Nationality" in Russian journalism of the XIX century. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology], 11, pp. 228–237 (in Russ.).

Altshuller, M. G., 2007. *Beseda lyubitelei russkogo slova: U istokov russkogo slavyanofil'stva* [Conversation of lovers of the Russian word: At the origins of Russian Slavophilism]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Boyko, P., 2012. The estates of the Russian Empire in the Patriotic War of 1812. *Rusin*, 4(30), pp. 29–38 (in Russ.).

Vishlenkova, E. A., 2011. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu" [The visual ethnology of the empire, or "Not Everyone Is Given to See Russian"]. Moscow (in Russ.).

Glinka, F., 1821. *Pis'ma russkogo ofitsera o voennykh proisshestviyakh 1812 goda* [Letters of a Russian officer about the military incidents of 1812]. Moscow (in Russ.).

Gorolevich, I., 2011. The War of 1812: a political analysis. *Red Star*, 20 Apr. Available at: http://old.redstar.ru/2011/04/20_04/5_03.html [Accessed 29 November 2019] (in Russ.).

Grebenshchikov, A. E., 2016. Views of Admiral A. S. Shishkov to the class question in Russia. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific reports of Belgorod State University. Series: History. Political science], 1 (222), pp. 85–89 (in Russ.).

Karamzin, N. M., 1964a. About love for homeland and national pride. In: N. M. Karamzin, ed. *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected works in two volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Karamzin, N. M., 1964b. Why are there few copyright talents in Russia? In: N. M. Karamzin, ed. *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected works in two volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Karamzin, N. M., 1991. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A note on ancient and modern Russia in its political and civil relations]. Moscow (in Russ.).

Lomonosov, M. V., 1803. Preface on the use of church books in the Russian language. In: M. V. Lomonosov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova, s priobshcheniem zhizni sochinitelya i s pribavleniem mnogikh ego nigde eshche ne napechatannykh tvoreniy* [Complete works of Mikhail Vasilievich Lomonosov, with the introduction of the life of the writer and with the addition of many of his unpublished works]. Vol. 1. St. Petersburg (in Russ.).

Maniskalko, D. B., 2014. The role of the concept of "people" in Russian history: from the "Tale of Constantinople" to the beginning of the Romanov reign. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 4, pp. 154–159 (in Russ.).

Miller, A. I., 2012. The history of the concept of a nation in Russia. In: A. I. Miller and I. Schierle, eds. *"Ponyatiya o Rossii": K istoricheskoi semantike imperskogo perioda* ["Concepts about Russia": Towards the historical semantics of the imperial period]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Minakov, A. Yu., 2009. A.S. Shishkov as an ideologist and practitioner of Russian conservatism. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific reports of Belgorod State University. Series: History. Political science], 7(62), pp. 143–150 (in Russ.).

Mikhailovsky-Danilevsky, A.I., 1839. *Opisanie Otechestvennoi voiny v 1812 godu* [Description of the Patriotic War in 1812]. Vol. 1. St. Petersburg (in Russ.).

Muratov, N.P., 1912. *Istoricheskii obzor Otechestvennoi voiny i ee prichin* [A historical review of the Patriotic War and its causes]. Tambov (in Russ.).

National Corps of the Russian Language, n. d. *Osnovnoi korpus* [Main Corps]. [online] Available at: <http://ruscorp.ru/old/search-main.html> [Accessed 20 March 2020] (in Russ.).

Dzhivelegov, A.K., Melgunov, S.P. and Pitcheta, V.I., eds., 1912. *Otechestvennaya voina i russkoe obshchestvo 1812–1912* [World War II and Russian society 1812–1912]. In 7 volumes. Moscow (in Russ.).

Anon, 1830a. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie I* [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. Collection I]. Vol. XXXII. St. Petersburg (in Russ.).

Anon, 1830b. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. Collection II]. Vol. IV. St. Petersburg (in Russ.).

Anon, 1840. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. Collection II]. Vol. XIV. St. Petersburg (in Russ.).

Shishkov, A.S., 1824. Reasoning about the old and new syllables of the Russian language. In: A.S. Shishkov, ed. *Sobranie sochinenii i perevodov admirala Shishkova Rossiiskoi Imperatorskoi Akademii Prezidenta i raznykh uchenykh obshchestv chlena* [Collected works and translations of Admiral Shishkov of the Russian Imperial Academy of the President and various member societies]. Vol. II. St. Petersburg (in Russ.).

Shishkov, A.S., 2011a. Brief notes kept in the war with the French in 1812 and subsequent years. In: O. A. Platonov, ed. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [Fire of love for the Fatherland]. Moscow (in Russ.).

Shishkov, A.S., 2011b. A conversation between two friends about translating words from one language to another. In: O. A. Platonov, ed. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [Fire of love for the Fatherland]. Moscow (in Russ.).

Shishkov, A.S., 2011c. The discourse on love for the Fatherland, read in 1812 in a conversation between lovers of the Russian word. In: O. A. Platonov, ed. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [Fire of love for the Fatherland]. Moscow (in Russ.).

Shishkov, A.S., 2011d. Speech at the opening of the conversation of lovers of the Russian word. In: O. A. Platonov, ed. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [Fire of love for the Fatherland]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Alexey B. Panchenko, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University, Russia.

E-mail: alexeypank@rambler.ru

To cite this article:

Panchenko, A.B. 2020, The concept “people” in A.S. Shishkov’s manifestoes in the discourse of the Patriotic War of 1812, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 25–41. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-2.